

Междисциплинарные ракурсы политических исследований

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-52-62

ЦИКЛИЧНОСТЬ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К НОВОМУ ПРОЧТЕНИЮ КОНЦЕПЦИИ ЛИПСЕТА–РОККАНА

И. Ю. Окунев

Окунев Игорь Юрьевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра пространственного анализа международных отношений, Институт международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: iokunev@mgimo.ru (ORCID: 0000-0003-3292-9829. ResearcherID: E-4038-2012).

Аннотация

Размежевания Липсета–Роккана охватывают период до оформления базовой структуры современного идеологического спектра и соответственно партийной системы, однако это не означает, что новые типы расколов не могут продолжать дробить сообщества. Обосновывается, что ключевые актуальные общественные расколы продолжают логику исходных размежеваний, просто действуя в новых условиях, поэтому можно говорить о цикличности идейно-политических размежеваний Липсета–Роккана. Показано, что территориальные размежевания «центр – периферия» и «город – село» реализуются сегодня на наднациональном уровне в форме раскола «глобализация – суверенизация». В то же время размежевания «государство – церковь» и «собственники – рабочие» сублимировались сегодня в ценностный постматериальный раскол «выживание – самовыражение». При этом в каждую эпоху сосуществуют два доминирующих принципа раскола – территориальный, который проецирует идеологическую ось «эгалитаризм – элитизм» и функциональный, поддерживающий идеологическую ось «индивидуализм – коммунитаризм». Степень воздействия актуальных расколов на структуру партийных систем разнится сегодня от страны к стране – например, в США и странах Западной Европы преобладает спор между выживанием и самореализацией, в то время как в Восточной Европе и России еще не утих предыдущий спор о геополитической ориентации, – но в целом они входят в резонанс друг с другом и поддерживают динамику актуального политического процесса. Можно сделать вывод, что цикличностью, сосуществованием и резонированием идейно-политических размежеваний обеспечивается преемственность политико-партийных систем.

Ключевые слова: размежевание; электоральное пространство; идеология; партия; партийная система; национализация политики; электоральная география; политическая география.

Территориальные и функциональные размежевания в электоральном пространстве

Партии и партийные системы являются довольно стабильными институтами, в то время как идеологические споры и предвыборные программы очень сильно зависят от конъюнктуры (Голосов, 2012). Дело в том, что они отражают более глубинные и устойчивые размежевания в обществе, сложившиеся за долгую историю его политического развития (Голосов, 2018). Политологи С. М. Липсет и С. Роккан на европейском материале не только выделили наиболее характерные такие размежевания (cleavages), но и обосновали, что территориальная дифференциация общества сыграла ключевую роль в их становлении (Rokkan, 1970). С. Пиккель обобщила четыре признака идейно-политического размежевания:

- 1) наличие социокультурного базиса в виде конфликта (или раскола) между группами населения с разными взглядами;
- 2) длительная традиция противостояния;
- 3) переход конфликта в политический процесс, когда партии или их фракции (крылья) становятся институтами представительства интересов конфликтующих групп;
- 4) устойчивое голосование конфликтующих групп за представляющих их политические силы, закрепляющее коалицию между ними (Pickel, 2011).

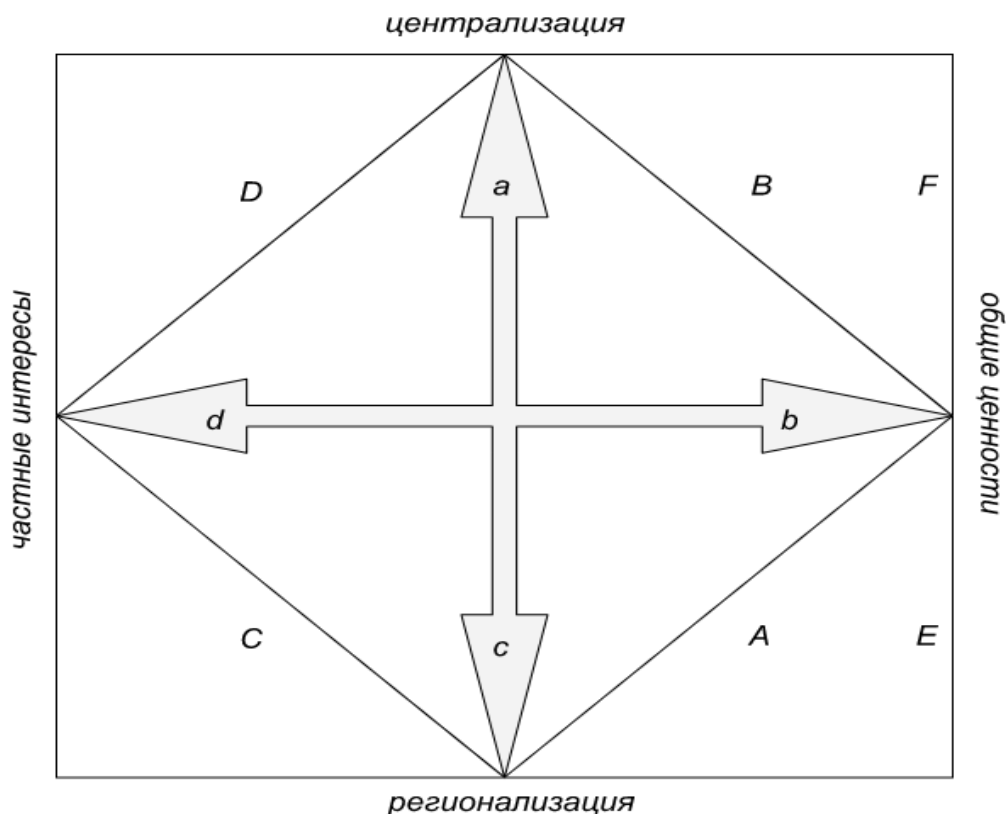

Рис. 1. Пространственная модель идейно-политических размежеваний

Идейно-политические размежевания бывают двух типов: территориальные (например, между жителями городов и сельской местности) и функциональные (скажем, между сторонниками и противниками секуляризации) (Taylor & Johnston, 1979). Пространственный континуум таких размежеваний, таким образом, складывается в двух взаимно пересекающихся измерениях (рис. 1): территориальном (ось ac) и функциональном (ось bd). Флангами территориального измерения размежеваний выступают, с одной стороны, идеи, направленные на централизацию и стандартизацию (“централизация”), а с другой, – ратующие за сохранение и защиту своеобразия локальных сообществ (“регионализация”). Другими словами, территориальное измерение, как ему и положено, варьируется между силами, направленными на снижение или повышение степени дифференциации пространства (Зимоха, 2006). Полюсами функционального измерения размежеваний являются, с одной стороны, идеи, ориентированные на реализацию групповых интересов, например, отдельных классов или других сегментов общества (“частные интересы”), а с другой, – идеи, поддерживающие развитие на основе разделения общих ценностей (“общие ценности”). Функциональное измерение, таким образом, тоже является выбором между унификацией и разнообразием, но уже не в пространстве, а в социуме.

Кризисы в виде идейно-политического размежевания, случавшиеся в разные исторические периоды, оставляли рубец в обществе, отражавшийся в конфигурации партийной системы (табл. 1). Такие размежевания могут быть, исходя из описанного континуума:

- по территориальной оси – региональными, национальными или наднациональными (когда государства начинают выступать составной единицей в наднациональных образованиях);
- по функциональной оси – ценностными, основанными на вопросе об общих (национальных, цивилизационных) ценностях, материальными, сфокусированными на частные интересы отдельных социальных групп, или постматериальными, также зиждущимися на общих нематериальных ценностях, однако воспринимаемых уже в качестве глобальных.

Размежевания в идейно-политическом пространстве

№	Раскол	Тип раскола	Ключевое событие
<i>I</i>	<i>Централизация национальных государств</i>		
1. (A)	Центр – периферия	региональный, ценностный	Реформация и контрреформация XVI–XVII вв.
2. (B)	Государство – церковь	национальный, ценностный	Великая Французская революция 1789 г.
<i>II</i>	<i>Индустриальная революция</i>		
3. (C)	Город – село	региональный, материальный	Промышленная революция XIX в.
4. (D)	Собственники – рабочие	национальный, материальный	Русская революция 1917 г.
<i>III</i>	<i>Постиндустриальная революция</i>		
5. (E)	Глобализация – суверенизация	наднациональный, ценностный	Холодная война и деколонизация 2-ой. пол. XX в.
6. (F)	Выживание – самовыражение	национальный, постматериальный	“Красный май” 1968 г.

С. М. Липсет и С. Роккан выделили четыре ключевых размежевания, характерных для западноевропейских стран и сложившихся до конца первой четверти XX в. (A – D), впоследствии другие исследователи (в первую очередь, А. Лейпхарт) дополнили их более поздними расколами, часть из которых являются репликами изначальных (E – F) (Lijphart, 1994). Было бы ошибкой автоматически переносить расколы Липсета–Роккана на любые другие общества и эпохи, хотя часто встречаются близкие аллюзии на них.

Размежевание “*центр – периферия*” – самое старое из оказавших влияние на современные партийные расколы, было доминирующим в период зарождения представительной политики в Европе и оказалось связано с распространением протестантизма и религиозными войнами XVI–XVII вв. Это размежевание между силами централизации и стандартизации в государстве, связанными с процессами национального или имперского строительства, с одной стороны, и стремлениями к сохранению этнолингвистической и конфессиональной уникальности в провинциях. При этом этот процесс имел два измерения: с одной стороны, формирующиеся национальные государства выступали в качестве провинций католической церкви, а с другой – абсолютизм уже в них самых толкал к подавлению внутренней региональной самобытности (см., например, галлизацию во Франции). Таким образом, скажем, унификация национального языка становилась как инструментом борьбы с римской курией (переход с латыни на местные языки во время службы), так и методом ассимиляции этнических меньшинств. Как вывод, это размежевание занимает положение в юго-восточном секторе пространственной модели размежеваний (точка A) – является региональным (или наднациональным в случае имперского пространства, в котором государства выступают в роли регионов) и идеологическим, то есть выстраивающимся вокруг общих ценностей.

Оформившийся в ходе раскола институт парламентаризма в ранние периоды имел преимущественно территориальную функцию: это был орган представителей от далеких регионов, который

обеспечивал их участие в едином политическом процессе и способствовал централизации национальных государств (Alonso, 2012).

Однако партии не только являются агентами раскола между центром и периферией, но могут выступать и в качестве инструмента интеграции отдаленных регионов в единое электоральное пространство страны. Такое явление получило название “*мобилизации периферии*” (Wuthrich, 2013). Любое включение населения окраин в избирательный процесс способствует легитимизации центральной власти, а партии, даже отстаивая региональные интересы, но действуя на общенациональном уровне, способствуют формированию общего для страны идеологического дискурса, а значит, задают рамки для поиска консенсуса в обществе. Особое значение играет и рекрутинг местных политиков в политический процесс в столице, который дает возможности представительства региональных интересов в формировании национальной стратегии.

Электоральный выбор в нормальной ситуации стремится к территориальной дифференциации – просто потому, что людей в разных регионах интересуют разные проблемы (Rose & Urwin, 1975). Однако это свойство регионализации электорального поля нарушается центростремительными силами национального и государственного строительства. Централизация и формирование национальных государств поддерживают унификацию политических предпочтений. Территориальные различия отходят на второй план на фоне функциональных общенациональных споров о пути развития страны. Более того, региональные элиты и интересы оказываются встроенными в единый политический процесс и центральную повестку. Это свойство национализации электорального поля приводит к тому, что внутри государств территориальные различия ослабевают, а между странами – наоборот, усиливаются (Bochsler, 2010). Как результат, вдоль государственных границ можно наблюдать значительные электоральные расколы, когда люди одного региона, разделенного между несколькими странами, скажем Эльзаса, которых по идее должны интересовать схожие проблемы, на самом деле принадлежат с существенно различающимися электорально-политическим системам (Detterbeck & Herburn, 2018).

Д. Карамани на основании двух критериев (степени электоральной поддержки национальных партий и наличия значимых региональных политических объединений) выделил четыре типа партийных систем по степени их национализации (табл. 2):

- *национализированные* партийные системы с гомогенной поддержкой всех политических партий и отсутствием или крайней слабостью региональных партий (Греция, Дания, Исландия, Норвегия);
- *территориализованные* партийные системы, в которых также отсутствуют сильные региональные партии, но в силу социальных размежеваний наблюдается неравномерная территориальная поддержка ведущих партий (Великобритания, Франция, Швейцария);
- *сегментированные* партийные системы, характеризующиеся наличием по меньшей мере одной значимой региональной партии при гомогенной поддержке других политических сил (Италия, Германия);
- *регионализированные* партийные системы, отличающиеся не только территориально неравномерной поддержкой национальных партий, но и наличием значительных региональных объединений (Бельгия, Финляндия) (Caramani, 2004).

Таблица 2

Типы партийных систем по степени национализации

<i>Наличие региональных партий</i>		<i>Поддержка национальных партий</i>	
		<i>гетерогенная</i>	<i>гомогенная</i>
<i>Значимые региональные партии</i>	<i>Есть</i>	регионализованная	сегментированная
	<i>Нет</i>	территориализованная	национализированная

Надо заметить, что процесс национализации электорального поля происходит совсем не обязательно континуально – от центра стадийно к окраинам. Это вполне может быть скачкообразный процесс, подобный тому, который отражен в теории пространственной диффузии инноваций

Т. Хегерстранда (Туровский, 1999). Согласно ей, пространственная иерархия имеет не только территориальную структуру (чем дальше от центра, тем сильнее периферийность), но и функциональную (чем ниже ранг территории, тем сильнее его периферийность). Распространение паттернов центра может идти, таким образом, как по территориальной структуре (сплошная диффузия – от соседа к соседу), так и по функциональной иерархии (иерархическая диффузия – от столицы к основным агломерациям, далее крупным городам и т.д. вплоть до мелких деревень). Наконец, возможно и совмещение этих двух типов, называемое волновой (или каскадной) диффузией: новация от Москвы уйдет на первой волне территориально в Московскую область и функционально в Санкт-Петербург, а на второй – территориально в регионы ЦФО и Ленинградскую область, а функционально в Екатеринбург и Новосибирск.

Размежевание “*государство – церковь*” было связано с секуляризацией и антиклерикализмом, ставшими важными маркерами общественных дискуссий во времена Великой Французской революции. Это размежевание национального и идеологического типа, которое занимает северо-восточный сектор в модели (точка В). Ключевым вопросом становится соперничество между светской и церковной властью за монополию на формирование общественных норм, и в частности, спор о главенстве в передовом институте их проецирования – системе образования. При этом совсем не обязательно либеральная позиция увязывалась с секуляризацией, а консервативная – с традиционализмом церкви. Так, например, поддержка религиозных партий могла быть связана с желанием родителей самим определять содержание образования своих детей и быть менее зависимыми от светской власти. Этот раскол меньше коснулся стран Северной Европы, где национальные протестантские церкви были подчинены государству, и сильнее всего выразился в политическом ландшафте католических стран и государств со смешанным конфессиональным составом населения. Во-вторых, (например, в Нидерландах, Швейцарии или Германии), он имел не только функциональное, но и территориальное измерение из-за компактности проживания разных религиозных общин. Христианско-демократические движения стали во многом первой прототипической мобилизационной массовой партией пролетариата и там, где они существовали, отчасти канализировали классовое расслоение общества.

Первые два размежевания, как видно, стали результатом централизации национальных государств, т.н. “национальной революции”, их общая черта – аксиологический характер – был связан с тем, что именно национальные ценности являются ведущим механизмом государственного строительства. При этом, если размежевание “центр – периферия” носило явный территориальный характер, то раскол “государство – церковь” был преимущественно функциональным. Второе поколение идейно-политических размежеваний составили оппозиции, порожденные индустриальной революцией и последовавшее за ней появление классов горожан (“буржуа”) и рабочих. Их общая черта – социальный партикуляризм, стремление обособить и защитить интересы отдельных слоев общества, так что можно сказать, что в них аксиологический компонент замещается материальным, общие ценности – частными интересами. Во втором поколении размежеваний оформились как территориальный раскол “город – село”, так и более функциональный – “собственники – рабочие”.

Размежевание “*город – село*” берет свои истоки в противостоянии стремительно богатевшей ремесленной, а потом промышленной буржуазии с изначально доминировавшей земельной аристократией (см., например, многовековое соперничество вигов и тори в Великобритании). На самом деле подоплека конфликта была глубже противоречий между сельскохозяйственным и городскими производствами, это была борьба системы общественных статусов, основанных на происхождении и связях, с системой признания, базирующемся на личном успехе и достатке. Это оформило идейную поляризацию между либеральными взглядами урбанизированной части общества и более консервативными устоями жителей сельской глубинки. Размежевание вскоре обрело и экономическое звучание: если городская индустрия была заинтересована в либерализации экономики и открытой конкуренции, в том числе мировой, то сельское хозяйство жилось на протекционизме и закрытых рынках. Последнее сформировало устойчивую идеологическую базу для аграрных и крестьянских партий, составляющих важную часть электорального ландшафта в странах Северной Европы. Сегодня раскол продолжает быть актуальным для стран более поздней волны урбанизации, например, в Аргентине, Иране, Египте и т.д. Таким образом, можно сказать, что это раскол регионального и материального свойства, который занимает юго-западный сектор в пространственной модели (точка С). Сегодня данный раскол получает развитие по линии “город – пригород”, поскольку в части западных стран, в первую очередь в США, город становится местом жительства для менее обеспеченных слоев населения, в том числе государственных иждивенцев, а более зажиточные слои населения перемещаются в

пригородные кондоминиумы. Последнее как бы выворачивает наизнанку это размежевание, вынуждая бывшие аграрные силы агрегировать интересы городских трущоб, а бывшие урбанистические движения выстраивать себе сеть поддержки в малых поселениях.

Размежевание “*собственники – рабочие*” также имеет материальную основу, но реализуется не на региональном, а на общенациональном уровне и занимает северо-западный сектор в модели (точка D). Раскол спровоцировал стремительный подъем рабочего класса, последовавший за индустриализацией, а его ключевой точкой бифуркации стала Октябрьская революция в России в 1917 г. В его основе оказался спор об экономической модели общества (социалистической или капиталистической) и сопутствующей ей политической и идеологической надстройке. Именно этот раскол оформил базовые оси идеологического спектра, определяющего современное электоральное поле большинства стран мира (Ахременко, 2007). С одной стороны, это ось между индивидуализмом и коммунитаризмом, а с другой, – между эгалитаризмом и элитизмом, о чем шла речь ранее. Коммунитаризм и эгалитаризм коммунистических движений, опиравшихся на рабочих, стал точкой, от которой перенастроился весь современный идеологический спектр.

Оси идеологического спектра

Основополагающее значение для политического выбора избирателя представляют его идеи относительно того, как и в каком направлении стоит развиваться сообществу (Исаев, 2016). Именно идеологии являются ключевым параметром для большинства партий, определяющим их место на электоральном поле.

До конца эпохи Просвещения идеологии были преимущественно предметом философского диспута, так как считалось, что можно в академической дискуссии определить идеальный путь развития общества. Однако в конце XVIII в. два наиболее разработанных на тот момент политико-философских идеологических течения уперлись в вопрос, на который у человечества нет и не может быть ответа. Мы создаем идеальное общество людей, а сами люди рождаются идеальными или нет? Если люди рождаются идеальными, что послужило основой идеологии либерализма (точнее, предшествовавшего ему либерального гуманизма), то тогда программа построения совершенного общества должна в пределе заключаться в предоставлении этим прекрасным людям полной свободы действий (обозначим такую позицию как *индивидуализм*). Лидеры другого ведущего течения – *консерватизма* – полагали, что человек рождается неидеальным, и именно общественные институты морали, традиции и культуры могут раскрыть в нем самое прекрасное, а значит, в основе построения лучшего общества должна лежать именно защита и развитие этих общественных институтов (позиция коллективизма или точнее *коммунитаризма*). Невозможность ответа на поставленный вопрос привела к тому, что идеологии стали дрейфовать в сторону от философских течений к политическим платформам, и теперь определение будущего стало задачей не ученых, а избирателей и элит.

Разделение на «левый» либерализм и «правый» консерватизм задало ведущую дифференцирующую ось идеологического спектра, которая конфигурирует электоральное поле. Однако вскоре в этом спектре появилась и вторая ось (или даже второе измерение, что позволяет его назвать идеологическим компасом). Условное деление на левых и правых закрепилось в политике после того, как во время Великой Французской революции в парламенте слева сели сторонники либеральных реформ, а справа – последователи консервативных устоев. Это же, к сожалению, привело к путанице с ненаучным употреблением понятия «либерал» как сторонника прогресса и реформиста, и «консерватора» как защитника прошлого и реакционера. В политическом смысле для обозначения идеологических полюсов это понимание является ошибочным, потому что, скажем, если у власти долго находятся либералы, то за реформы и прогресс будут как раз находящиеся в оппозиции консерваторы.

В XIX веке теперь уже политический, а не только философский спор либералов и консерваторов о том, как достичь идеального общества, перешел, в первую очередь, от вопросов индивидуальных и коллективных прав и свобод к экономике, и это еще больше всех запутало. Вначале либералам казалось, что людям для создания оптимально функционирующей экономики, нужно чтобы государства в нем было как можно меньше (классический экономический либерализм), а консерваторам, – что именно государственное регулирование может обеспечить сохранение необходимого общественного уклада и традиции (меркантилизм). Но уже в XX в. стал доминировать другой расклад: левые идеологи посчитали, что для предоставления людям возможности построения оптимального общества крайне необходимо участие государства, которое за счет перераспределения ресурсов должно обеспечить равные возможности всем гражданам (от равенства и названия этого подхода – эгалита-

ризм), в то время как правые политики стали критиковать вмешательство государства в экономику, потому что оно подрывает главный драйвер человеческой эволюции, необходимый для того, чтобы мотивировать людей к развитию, – конкуренцию между людьми и слоями общества (конкуренция в противовес равенству лежит в основе идеи элитаризма). В итоге, в предыдущем веке незаметно для многих сложилась окончательно все путающая ситуация, когда классический экономический либерализм стал стержнем идеологической платформы современных консерваторов.

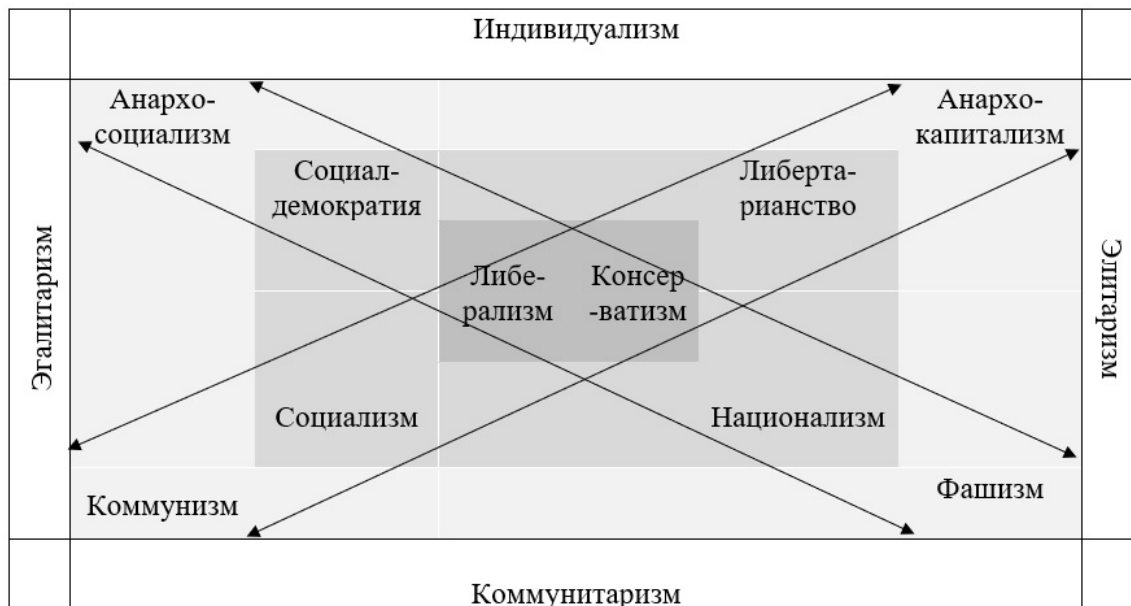

Рис. 2. Идеологический спектр электорального поля

Темно-серым отмечены центристские идеологии, серым – умеренные, светло-серым – радикальные

Еще одним фактором значительной трансформации идеологических установок либерализма и консерватизма в XX в. стала сущность политического процесса. Когда спор о будущем общества постепенно переместился из кабинетов ученых и философских клубов на избирательные участки, оказалось, что стремление к победе на выборах вынуждает идеологию к значительным изменениям. В 1948 г. Д. Блэк доказал теорему медианного избирателя, благодаря которой мы теперь точно знаем, что избирательный процесс устроен таким образом, что оптимальной стратегией для победы на выборах – это предложить программу, наиболее близкую к позиции избирателя с усредненными по отношению ко всему обществу политическими взглядам. Такой медианный избиратель обозначает центр идеологического спектра, именно за его поддержкой стали охотиться либеральные и консервативные партии, поскольку она гарантировала им победу, благодаря чему они получили название «центристских». Но оказалось, что левой партии для того, чтобы сагитировать медианного избирателя, необходимо было пойти на небольшой компромисс с консервативными идеями (то есть «поправь»), а правой, наоборот, – немного уступить либеральным идеям (то есть «полевей»). После множества электоральных циклов «правения» либералов и «левения» консерваторов, оказалось, что эти центристские партии почти невозможно отличить друг от друга – они сформировали ядро идеологического спектра и меняются властью друг с другом, в общем-то исповедуя очень близкие принципы и споря только по отдельным актуальным вопросам. Это обобщает ключевое свойство демократического политического процесса – в нормальной ситуации избирательный процесс заставляет политические силы стремиться к отказу от изначальных идеологических установок в пользу идейного компромисса в обществе, который реализуется через открытую, широкую и постоянную дискуссию.

Оформление либерально-консервативного ядра идеологического спектра породило новый тип идеологий, которые называют умеренными. Рисунок 2 наглядно показывает, как спектр расширяется от ядра в двух измерениях: на левом фланге сочетание эгалитаризма и коммунитаризма породило социализм (термин, который в данном случае обозначает партийную идеологию, а не экономическую систему с командной экономикой), и напротив, – эгалитаризма и индивидуализма выродилось в идеологии социал-демократии. На правом фланге соединение элитаризма с коммунитаризмом сформировало идеологию корпоративизма, в которой поддержание традиции и социального порядка реа-

лизуется через поддержку устойчивых социальных групп. Поскольку самыми устойчивыми социальными группами являются нации, это привело к тому, что самым жизнеспособной формой идеологии корпоративизма стал национализм. Наконец, соединение элитаризма с индивидуализмом создало идеологию либертарианства, наиболее близкую к классическому экономическому либерализму, то есть поддержке капитализма как экономической системы и его главной ценности – рыночной экономики. Электоральная стратегия умеренных партий заключается в том, чтобы отобрать у центристских партий голоса, потерянные ими из-за стремления к медианному избирателю. Скажем, ядерному электорату либеральной партии может не понравиться излишне прыткое «правление» их партии, и они отдадут свои голоса социал-демократам, а консерваторы посчитают предательством «левение» их партии и проголосуют за националистов. Несмотря на то, что этот тип партий находится дальше от центра, он только подтверждает тенденцию политического процесса к поиску точки компромисса в обществе, поэтому такие идеологии частично тоже являются центристскими.

И все же сохранились идеологии, которые считают, что идейный компромисс не позволяет достичь желаемой цели – построения идеального общества. Эти течения направились в противоположную от центра спектра сторону, доведя изначальные споры до крайности, отчего получили название радикальных (или крайних). Сочетание эгалитаризма и коммунитаризма породило крайнюю форму социализма – коммунизм, элитаризма и коммунитаризма создало крайние формы корпоративизма и национализма – фашизм, нацизм и религиозный фундаментализм, а крайний индивидуализм выродился в анархизм, существующий как в левой (анархо-социализм), так и в правой формах (анархо-капитализм). Кто-то скажет, что теорема медианного избирателя обрекает такие идеологии на неизбежное поражение, но это не совсем так. Звездный час крайних идеологий – момент кризиса в обществе, когда люди разочаровываются в поиске компромисса. Тогда на авансцену выходят представители крайних течений и говорят, что суть ошибки именно в этих самых полумерах и отходе от чистых постулатов и что именно в применении идеологии в ее радикальной форме возможно построение идеального общества. Получив поддержку в момент кризиса и придя к власти, крайние движения всегда провозглашают монополию на идеологию и запрещают другие точки зрения, потому что при нормальном течении политического процесса в противном случае они не смогут сохранить за собой власть. Радикальные идеологии оформляют таким образом контур электорального поля, хотя чаще всего сегодня представлены только маргинальными движениями.

Рассказ об идеологиях был бы неполным без упоминания течений, концентрирующихся вокруг одной ключевой проблемы, скажем, феминизма или экологизма, которые на самом деле по своему содержанию бывают крайне неоднородными и могут занимать довольно разные позиции на идеологическом спектре.

Цикличность современных размежеваний в идейно-политическом пространстве

Размежевания Липсета–Роккана охватывают период до оформления базовой структуры современного идеологического спектра и соответственно партийной системы, однако это не означает, что новые типы расколов не могут продолжать дробить сообщества (Макаренко, 2015). Интересно, что некоторые расколы продолжают логику описанных размежеваний, просто действуя в новых условиях, поэтому можно говорить о цикличности идейно-политических размежеваний.

Первым таким размежеванием является противоречие между силами глобализации, с одной стороны, и суверенизации – с другой. Противоречие было спровоцировано вначале оформлением bipolarной геополитической системы после Второй мировой войны, в потом ее демонтажом после распада Советского Союза. Оно выражается, в зависимости от контекста, в выборе геополитической ориентации на Запад или Восток (скажем, в Восточной Европе и на постсоветском пространстве) или между позиционированием себя на Глобальном Севере или на Юге (в Латинской Америке, Африке и Южной Азии). На самом деле таким геополитическим выбором маркируется либо ориентация социумов на глобальные институты и модели, либо желание сохранить свою цивилизационную и экономическую самобытность. Оппозиционный глобализации лагерь, по сути, выступает оппонентом вестернизации, которая лежит сегодня в основе глобальных ценностей и норм. На самом деле этот раскол есть репликация самого первого размежевания “центр – периферия”, но реализуемого в масштабах планетарной мир-системы. В некоторых сообществах это размежевание маркируется антагонизмом демократического выбора против коммунистического или авторитарного. Этот раскол сублимировал в себе и размежевание “город – село”, а точнее, ключевой его спор между свободным рынком и национальным протекционизмом, опять же выведя его на наднациональный уровень. Он имеет терри-

ториальную и идейную сущность, но реализуется не на региональном, а на наднациональном, межстрановом уровне, занимая также юго-восточный сектор модели (точка E). Этот раскол оформляет полюсы “элитаризм – эгалитаризм” в идеологических расколах в современном мире. Он как бы служит территориальным воплощением этой оси, поскольку проецирует на себе борьбу эгалитаризма с элитизмом через оппозицию территориальной унификации с пространственной дифференциацией.

Есть сегодня реплика и у старого размежевания “государство – церковь”, которое связано с борьбой между личностным и коллективным в определении общественных норм. Лучше всего его описал Р. Инглхарт, введя в свое глобальное исследование ось ценностей “выживания – самовыражения”. У него эта переменная в аксиологической ориентации дополняет антагонизм традиционных и секулярных ценностей, что вполне вписывается в логику того, что эта старая переменная уже была абсорбирована этим расколом на этапе конфронтации государства и церкви. “Красный май” 1968 г. был одновременно и антигосударственным (анархистским) и атеистическим движением. На вопрос, кто может устанавливать нормы – общество или церковь – он дал новый ответ: нормы нужны ровно настолько, насколько они возникают в ходе естественного взаимодействия людей. Всякая внешняя рамка считается излишней, что выражается в знаменитом постулате о том, что свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека.

Перейдя от вопроса о том, кто должен устанавливать нормы в обществе к вопросу, должен ли вообще кто-то устанавливать эти нормы, сегодня данный раскол существенно расширил горизонт дискуссии. Ценности “выживания” обобщают необходимость социальных институтов как проекции общественного порядка и развития, в то время как ценности “самовыражения” стремятся в конечном счете к императиву индивидуальных прав и свобод во всех аспектах жизни. А. Лейпхарт также обозначал эту оппозицию как в качестве дилеммы ценностей постматериализма, что вполне укладывается в логику того, что это размежевание уже преодолело стадию материализма на этапе индустриальной революции (Lijphart, 1999). В экономическом смысле это размежевание оформилось в новой итерации спора собственников и рабочих о рыночном или командном характере экономики, с той поправкой, что сегодня это дискуссия о пределах проникновения государства в рыночную экономику. Этот диспут тоже получает новое звучание, он ведется вокруг выбора регуляторной функции государства как проводника всеобщего равенства для индивидуальной самореализации и полной свободы или как охранителя коллективной традиции и норм. Как видим, этот вид размежевания поддерживает полюсы “индивидуализм – коллективизм” на идеологическом спектре.

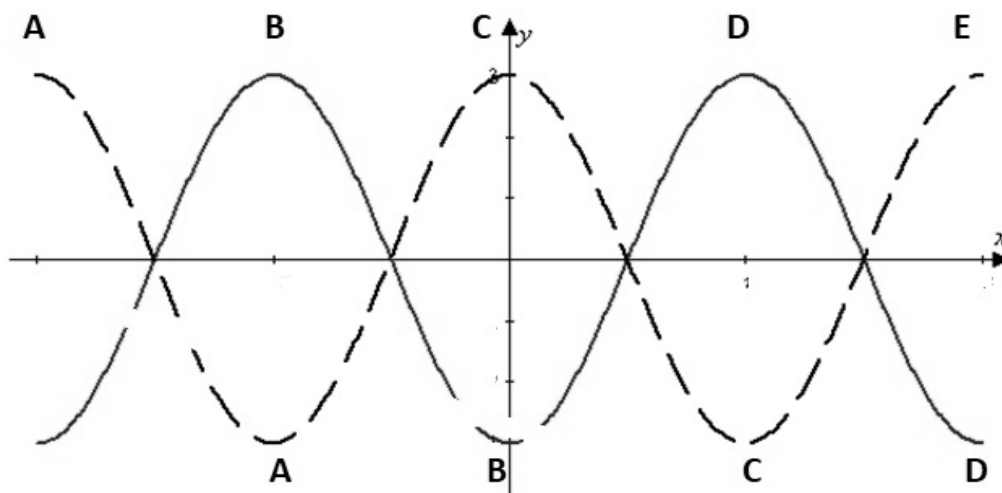

Рис. 3. Цикличность идейно-политических размежеваний

На рисунке 3 показан циклический принцип функционирования идейно-политических размежеваний: ось x обозначает временную динамику, а y – степень актуализированности того или иного типа размежевания, отмеченного римскими буквами. Раскол А “центр – периферия” затухает и перетекает в С “город – село”, затем в Е “глобализация – суверенизация”. Также раскол В “государство – церковь” затухает и перетекает в Д “собственники – рабочие”, затем в F “выживание – самовыражение”. При этом в каждую эпоху сосуществуют два доминирующих принципа раскола – территориальный (пунктирная косинусоида ACE), которые проецирует идеологическую ось “эгалитаризм – элитизм” и функциональный (сплошная косинусоида BDF), который поддерживает идеологическую ось “индивидуализм – коммунитаризм”. Можно сказать, что циклическостью, сосуществованием и ре-

зонированием идейно-политических размежеваний обеспечивается преемственность политико-партийных систем.

Таким образом, можно предположить, что в современных партийных системах доминируют два типа раскола, являющихся циклическим повторением предыдущих размежеваний и поддерживающих две ключевые оси идеологического спектра. Степень их воздействия на структуру партийных систем, конечно, разнится от страны к стране: например, в США и странах Западной Европы преобладает спор между выживанием и самореализацией, в то время как в Восточной Европе и России еще не утих предыдущий спор о геополитической ориентации, но в целом они входят в резонанс друг с другом и поддерживают динамику актуального политического процесса. Это теоретическое допущение нуждается, однако, в эмпирической проверке.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10004, <https://rscf.ru/project/19-78-10004>.

Список литературы / References

- Ахременко, А. С. (2007) *Структуры электро-рального пространства*. Москва: Социально-политическая мысль. [Akhremenko, A. S. (2007) *Structures of electoral space* [Struktury elektoral'nogo prostranstva]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl'. (In Russ.)].
- Голосов, Г. В. (2018) *Сравнительная политология*. Санкт-Петербург: ЕУСПб. [Goloso, G. V. (2018) *Comparative politics* [Srvnritel'naya politologiya]. Saint Petersburg: EUSPb. (In Russ.)].
- Голосов, Г. В. (2012) 'Партийные системы стран мира: региональное и хронологическое распределение, модели устойчивости', *Политическая наука*, 3, сс. 71–104. [Goloso, G. V. (2012) 'Party systems of the countries of the world: regional and chronological distribution, sustainability models' [Partijnye sistemy stran mira: regional'noe i hronologicheskoe raspredelenie, modeli ustojchivosti], *Political Science* (RU), 3, pp. 71–104. (In Russ.)].
- Зимоха, А. Ю. (2006) 'Цели и методы воздействия на территориальную картину результатов выборов', *Региональные исследования*, 2, сс. 17–24. [Zimokha, A. Yu. (2006) 'The aims and methods of influencing of election results on the territorial distribution' [Celi i metody vozdejstviya na territorial'nuyu kartinu rezul'tatov vyborov], *Regional'nye issledovaniya*, 2, pp. 17–24. (In Russ.)].
- Исаев, Б. А. (2016) *Теория партий и партийных систем*. Москва: Юрайт. [Isaev, B. A. (2016) *The theory of parties and party systems* [Teoriya partij i partijnyh sistem]. Moscow: Yurait. (In Russ.)].
- Макаренко, Б. И. (ред.) (2015) *Партии и партийные системы: современные тенденции развития*. Москва: Политическая энциклопедия. [Makarenko, B. I. (eds.) (2015) *Parties and party systems: current development trends* [Partii i partijnye sistemy: sovremennye tendencii razvitiya]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (1999) *Политическая география*. Смоленск: СГУ. [Turovskiy, R. F. (1999) *Political geography* [Politicheskaya geografiya]. Smolensk: SGU. (In Russ.)].
- Alonso, S. (2012) *Challenging the state: Devolution and the battle for partisan credibility: A comparison of Belgium, Italy, Spain and the United Kingdom*. Oxford: Oxford University Press.
- Bochsler, D. (2010) 'Measuring party nationalization: A new ginibased indicator that corrects for the number of units', *Electoral Studies*, 29(1), pp. 155–168.
- Caramani, D. (2004) *The nationalization of politics: The formation of national electorates and party systems in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Detterbeck, K., Hepburn, E. (eds.) (2018) *Handbook of territorial politics*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Lijphart, A. (1994) *Electoral systems and party systems: A study of twenty-seven democracies, 1945–1990*. Oxford: Oxford University Press.
- Lijphart, A. (1999) *Patterns of democracy: Government forms and performance in thirty-six countries*. New Haven: Yale University Press.

- Pickel, S. (2011) 'Secularization of electoral behavior? The state-church-cleavage in Europe' in: Pickel, G., Sammet, K. (eds.) *Transformations of religiosity. Religion and religiosity in Eastern Europe 1989-2010*. Wiesbaden: VS, pp. 111–134.
- Rokkan, S. (1970) *Citizens, elections, parties: Approaches to the comparative study of the processes of development*. Oslo: Universitetsforlaget.
- Rose, R., Urwin, D. (1975) *Regional differentiation and political unity in Western Nations*. London: SAGE.
- Taylor, P. J., Johnston, R. J. (1979) *Geography of elections*. London: Penguin Books.
- Wuthrich, F. M. (2013) 'An essential center-periphery electoral cleavage and the Turkish party system', *International Journal of Middle East Studies*, 45(4), pp. 751–773.

Статья поступила в редакцию: 05.08.2022

Статья принята к печати: 30.08.2022

CYCLICITY OF IDEOLOGICAL AND POLITICAL CLEAVAGES IN THE ELECTORAL SPACE

I. Yu. Okunev

I. Yu. Okunev, PhD in Political Science, Leading Research Fellow, Director of the Center for Spatial Analysis of International Relations,
Institute of International Studies MGIMO MFA of Russia.
E-mail: iokunev@mgimo.ru (ORCID: 0000-0003-3292-9829. ResearcherID: E-4038-2012).

Abstract

The Lipset-Rokkan cleavages cover the period before the formation of the basic structure of the modern ideological spectrum and, accordingly, the party system, but this does not mean that new types of splits cannot continue to fragment communities. Interestingly, some cleavages continue the logic of the described divisions, simply acting in new conditions, so we can talk about the cyclical nature of ideological and political cleavages. Two types of splits dominate today's party systems, which are cyclical repetitions of previous cleavages and support two key axes of the ideological spectrum. The degree of their impact on the structure of party systems, of course, varies from country to country. The split "center – periphery" fades and flows into "urban – rural", then into "globalization – sovereignization". Also, the "state-church" split fades and flows into "owners-workers", then into "survival-self-expression". At the same time, in each era, two dominant principles of split coexist – territorial, which projects the ideological axis "egalitarianism - elitism" and functional, which supports the ideological axis "individualism - communitarianism". It can be said that the continuity of political and party systems is ensured by the cyclicity, coexistence and resonance of ideological and political divisions.

Keywords: cleavage; electoral space; ideology; party; party system; nationalization of politics; electoral geography; political geography.

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 19-78-10004, <https://rscf.ru/project/19-78-10004>.